

Д. Е. Еремеев

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

В первой половине XIX в. в Турции¹ сложилось парадоксальное, на первый взгляд, положение. Буржуазные отношения начали довольно быстро развиваться не среди господствующей народности — турок, а среди угнетенных немусульманских народов. Это было вызвано целым рядом исторических причин. Бесспорно, турки как мусульмане и господствующая народность в мусульманской феодально-теократической монархии, какой была Османская империя², находились в привилегированном положении, в частности платили гораздо меньше налогов и пользовались гораздо большими юридическими правами, чем немусульмане. Тем не менее турки сильно отставали в экономическом, социальном и культурном развитии от многих народов Турции, главным образом немусульманских.

Переселившиеся в Анатолию в XI—XIII вв. тюрки-кочевники, этот определяющий компонент формирования турецкой народности³, переходя на оседлость, должны были осваивать ранее неизвестную им высокую и очень разнообразную земледельческую культуру коренных народов, их навыки хозяйствования, выработанные в течение столетий и приспособленные к локальным географическим условиям⁴. Подобное освоение требовало много времени, и хозяйственно-культурное развитие турок, естественно, отставало по сравнению с местными народами, владевшими издревле этими навыками и развивавшими их дальше. К тому же господствующий класс турецких феодалов, вышедших, как правило, из кочевой знати, отличался крайне паразитическим образом жизни. Большинство феодалов считало гораздо более выгодным (и более «почетным») занятием грабеж завоеванных народов, чем ведение собственного хозяйства. Эксплуатируя крестьян, турецкие феодалы применяли самые примитивные методы насилия. К. Маркс характеризовал турецкого феодала середины XIX в. как стоящего «на самой низкой и варварской ступени феодализма»⁵. Ремеслами и торговлей — именно теми

¹ В статье понятие «Турция» охватывает территорию современной Турецкой республики — Восточную Фракию и Анатолию, т. е. тот ареал, где складывалась турецкая нация, а не всю территорию Османской империи, большинство которой населяли иные этнические общности — арабы, курды, народы Балканского полуострова.

² Османский султан являлся одновременно и халифом — духовным главой мусульман-суннитов, а ислам в Османской империи охватывал идеологическую, государственную-политическую, административно-фискальную, судебную, военную и бытовую сферы деятельности. У мусульман были свои, отдельные от немусульман, уголовные и гражданские суды, действовавшие на основе шариата (мусульманского права), свои школы. Османская армия, административный аппарат состояли исключительно из мусульман.

³ Другим ее компонентом были исламизированные и тюркизированные группы местного населения Анатолии — греков, армян, лазов, грузин, а также курдов, арабов и некоторых народов Балканского полуострова — смешавшиеся с турками.

⁴ Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не умаляет хозяйственно-культурных достижений самих тюрков, создавших очень развитый хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства. Но этот тип резко отличался от того, к которому тюрки стали переходить в Анатолии.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 6.

отраслями экономики, где скорее всего мог вырваться капиталистический уклад,— мусульмане, и в том числе турки, почти не занимались. В Анатолии ремесленниками и торговцами были главным образом греки и армяне. Они опирались на традиции древнего населения Малой Азии, у которого издавна были развиты ремесла и торговля. А турки, особенно феодалы, к тому же считали занятия торговлей и ремеслами зазорным для себя делом, предпочитая военную, гражданскую или духовную службу. Кроме того, для турецкого крестьянина путь в ремесленники или торговцы был закрыт еще и потому, что у него не было для этого ни необходимых навыков, ни капиталов. Освоению турками ремесел препятствовала и система средневековых цехов, где царила религиозная обособленность. Цехи отдельных религиозных групп — православных, армян-григориан, католиков — допускали в свои ряды только единоверцев и строго охраняли секреты производства⁶. Среди турок почти не было ростовщиков. В этом, безусловно, сыграл роль и запрет ислама ссужать деньги под проценты, таким образом еще один путь первоначального накопления капитала был закрыт для тех турок, которые строго придерживались догматов веры. Наконец, огромной тяжестью ложилась на турок, особенно крестьян, воинская повинность. До 1909—1910 гг. только мусульмане имели право нести военную службу, причем турки составляли 3/4 численности армии. Это вело во время войн к убыли численности мужчин-турок, главным образом крестьян, а в мирное время — к отрыву их от хозяйства, что сильно било по экономике крестьянской семьи. Короче, предпосылки для развития капиталистических отношений возникли раньше среди нетурецкой и немусульманской части населения Турции — в среде национальных меньшинств, у которых была широкая прослойка торговцев, ростовщиков и ремесленников⁷.

Поэтому понятно, что с началом развития капитализма в Анатолии буржуазия стала возникать раньше у национальных меньшинств, преимущественно у греков и армян, т. е. первая буржуазия Турции была нетурецкой по национальной принадлежности. Хотя в первые десятилетия XIX в. в Турции появилась примитивная капиталистическая домашняя промышленность, существовали отдельные крупные мануфактуры и фабричные предприятия⁸, была развита добывающая промышленность, уровень развития производительных сил в целом по стране был еще очень низок. Промышленность, за исключением стамбульской, находи-

⁶ Такое положение привело к тому, что в некоторых отраслях ремесла даже в начале XX в. турок вообще не было. Так, С. И. Аралов описывает, как он в 1923 г., во время войны Турции за независимость, посетил турецкую военную школу кузнецов: «...Странным покажется, что в Анатолии среди турок в то время не было своих кузнецов. Лошадей ковали ремесленники — греки, армяне. Теперь греки воевали против турок, с армянами также не было дружбы. Лошади страдали от неумелойковки. И вот в армии стали создавать краткосрочные школы для обучения кузнечному делу». См.: С. И. Аралов, Воспоминания советского дипломата, М., 1960, стр. 96, 97.

⁷ Передовая культура и ее техническое обеспечение также развивались быстрее среди немусульман. Первая типография в Турции появилась у евреев в 1494 в., армянская типография открылась в Стамбуле в 1565 г., греки создали свою типографию в Турции в 1627 г., и только в 1729 г. была напечатана первая турецкая книга (причем первопечатником был венгр, принявший ислам, — Ибраим Мютеферрика). См.: А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение)», М., 1968, стр. 47, 49, 58. Позже, когда книгопечатание развилось довольно широко, турецкая печать продолжала отставать от нетурецкой: в начале 70-х годов XIX в. в Османской империи издавалось 47 газет и журналов, из них лишь 13 — на турецком языке. Все это было следствием общего более низкого культурного уровня турок и, в свою очередь, еще больше тормозило его рост: в начале XX в. 90% турок оставались неграмотными, тогда как среди греков неграмотных было 50%, среди армян — 33%. См. А. Д. Новичев, Турция. Краткая история, М., 1965, стр. 57, 133, 134.

⁸ А. Д. Новичев, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937, стр. 98.

лась на стадии ремесла и мелкого товарного производства; мануфактуры были мало развиты, преобладал скупщик; рынок отличался большой разобщенностью, усугублявшейся трудными для развития путей сообщения географическими условиями в Восточной Анатолии⁹. Ряд довольно крупных промышленных предприятий не был чисто капиталистическим: на многих рудниках работали приписанные к ним христиане — греки, армяне, а не наемные рабочие¹⁰; часть рудников была не капиталистической собственностью отдельных лиц, а арендовалась ими у правительства¹¹; крупнейшие предприятия стамбульской промышленности, обслуживавшие в основном нужды армии и флота, принадлежали государству и были организованы на военно-административных началах¹².

Таким образом, отсутствовала основная предпосылка для формирования как единой «османской» нации, так и отдельных наций — турецкой, армянской, греческой, курдской на территории Турции, — достаточно высокий уровень развития производительных сил. Кроме того, дальнейшее промышленное развитие Турции сразу же столкнулось с конкуренцией иностранных товаров. При этом конкуренция происходила в условиях все возрастающего экономического закабаления Османской империи западноевропейскими державами.

В силу кабальных соглашений, навязанных этими державами, Турция была лишена единственного оружия против конкуренции, к которому обычно прибегали слабые в промышленном отношении государства, — оружия протекционизма. Она не имела права ни увеличить пошлины, ни обложить иностранную торговлю налогами, ни привлечь иностранца, имеющего тяжбу с османским подданным или даже совершившего преступление, к турецкому суду.

В торговле с иностранцами очень большую роль играла компрадорская буржуазия, опять-таки преимущественно греческая, армянская, еврейская, а во Фракии — и болгарская. Связанная с иностранным капиталом, она меньше страдала от конкуренции иностранных товаров. О росте этой буржуазии говорят многочисленные свидетельства очевидцев того времени — путешественников и исследователей¹³. Это отметили также К. Маркс и Ф. Энгельс: «Кто ведет торговлю в Турции?... Во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю»¹⁴.

Дальнейший рост буржуазии среди армян и греков привел к тому, что экономические предпосылки для формирования буржуазной нации возникли прежде не у турецкой народности, а у этих угнетенных национальных меньшинств. Развитие национального самосознания армян и

⁹ А. Д. Новичев, *Очерки экономики...*, стр. 23; Экспедиция И. Черника, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VI, Приложение, Тифлис, 1879, стр. 194, 195, 198.

¹⁰ М. П. Вронченко, *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии*, составленное русским путешественником М. В., СПб., 1839—1840, ч. I, стр. 134, 135, ч. II, стр. 36, 129.

¹¹ В. Дж. Пальгрэв, *Анатолийские области*, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VII, № 2, Приложение, 1882, стр. 19, 22.

¹² А. Убичини, *Изображение современного состояния Турции в географическом, статистическом, религиозном и военном отношениях*, СПб., 1854, стр. 119—122.

¹³ М. П. Вронченко, *Указ. раб.*, ч. II, стр. 242, 263, 281; В. Дж. Пальгрэв, *Указ. раб.*, стр. 18, 85; К. Мак-Коан, *Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии*, М., 1884, стр. 109, 364; Д. В. Путята, *Записка о Малой Азии*, СПб., 1896, стр. 20, 33; Ю. Казн-Бек, *Современная Турция*, СПб., 1897, стр. 96; П. Томилов, *Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г.*, СПб., 1907, ч. I, стр. 38; И. И. Голобородько (Южанин), *Старая и новая Турция*, М., 1908, стр. 149; К. Гуман, *Об этнологии Малой Азии*, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VI, Приложение, Тифлис, 1879—1881, стр. 54, 56, 58, 60.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 9, стр. 25.

греков, как и вызревание у них идей национализма, ускорила и успешная борьба балканских народов против турецкого господства.

У турок же сознание этнической принадлежности часто подменялось сознанием принадлежности к мусульманской общине. Вообще в тех условиях, когда правовое положение каждого подданного Османской империи во многом определялось его принадлежностью к той или иной религиозной общине¹⁵, часто понятия этнической (национальной) и даже государственной принадлежности подменялись понятиями конфессиональными. Даже во второй половине XIX в. «национальное самосознание было подчинено религиозному; подданный Османской империи (имеется в виду турок.— Д. Е.) редко называет себя турком или хотя бы османцем, но всегда мусульманином»¹⁶. И в начале XX в., по свидетельству турецкого исследователя М. Э. Эриширгила, турками называли только турецких крестьян, горожане же называли себя мусульманами¹⁷. Все эти причины привели к тому, что наряду с отставанием турок от христианских национальных меньшинств в социально-экономическом и культурном отношении они отставали и по уровню развития национального самосознания.

До 60—70-х годов XIX в. не существовало четкой идеологии турецкого национализма. Среди представителей правящего класса (к нему, кроме турецких феодалов и бюрократической верхушки, принадлежали, и выходцы из других мусульманских народностей — курды, арабы, албанцы, боснийцы и др.) господствовала идеология исламизма, своего рода мусульманского космополитизма, отрицавшего национальные особенности мусульманских народов и стремившегося исламизировать немусульманские народы с целью создать в Турции и даже в Османской империи «единую мусульманскую нацию». Национальные различия в представлении исламистов не играли существенной роли. Главной была, по их мнению, религиозная принадлежность. В дальнейшем исламизм турецких правящих кругов перерос в панисламизм.

В последней четверти XIX — первые годы XX в. главным историческим фактором, изменившим во многом классовые отношения и повлиявшим на национальные процессы в Турции, было превращение Турции в аграрно-сырьевой придаток крупных империалистических стран, что сопровождалось развитием сельскохозяйственного производства, особенно производства технических культур. Рост разделения труда и зарож-

¹⁵ А. Убичини, П. де Куртейль, Современное состояние Оттоманской империи, СПб., 1877, стр. 53.

¹⁶ К. Мак-Коан, Указ. раб., стр. 119.

¹⁷ М. Э. Ериширгил, *Türkçülük devri, milliyetçilik devri, insanlık devri*, Ankara, 1958, стр. 119.

Религиозное самосознание (сознание принадлежности к христианским общинам) как своего рода национальное самосознание, наряду с памятью о своем этническом происхождении, сохранялось очень долго даже у тех греков и армян, которые были почти полностью ассимилированы турками и утратили свой язык. В 30-е годы XIX в. армяне в городах Западной и Центральной Анатолии не знали родного языка, говорили только по-турецки, в личной переписке писали на разговорном турецком языке армянскими буквами, в школе учились читать и писать по-турецки армянскими буквами, но не учили турецкой азбуки. Больше того, в церкви священники совершали богослужение на турецком языке «по книгам, напечатанным армянскими буквами». Примерно такое же положение сложилось у греков многих внутренних районов Анатолии. В семье они говорили по-турецки, в школах обучались читать и писать по-турецки, но греческими буквами, священники служили в церкви по книгам, написанным или напечатанным по-турецки греческими буквами. См.: М. П. Вронченко, Указ. раб., ч. II, стр. 29, 232, 241. Эти явления у некоторых групп греков отметил еще в 1730 г. русский путешественник В. Г. Барский. См.: В. И. Ламанский, О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПб., 1859, стр. 18. Преградой же к переходу на турецкую (фактически арабскую, так как до 1928 г. турецкий алфавит был основан на арабской графике) письменность было различие в религиях: турецкая письменность своим происхождением была связана с исламом, армянская же и греческая воспринимались как атрибуты армяно-григорианской и греко-православной церквей, что усугублялось еще и церковным характером школьного образования.

дение капиталистических отношений в сельском хозяйстве привели к усилению классовой дифференциации в деревне. Начала формироваться сельская буржуазия (кулаки, а также помещики, переходившие к капиталистическим методам хозяйствования) появился сельскохозяйственный пролетариат. В городах строились фабрики, нужные иностранному капиталу. Началось строительство железных дорог, также необходимых иностранным капиталистам для эксплуатации ресурсов Турции. Это способствовало развитию производительных сил, укреплению экономических связей между отдельными районами и складыванию общетурецкого рынка.

Однако все существенное в промышленности Турции принадлежало иностранцам. В Анатолии, писал И. И. Голобородько, образовался слой турецкой промышленной буржуазии. Но все выгоднейшие промысла и концессии были уже захвачены иностранцами. Турецкие промышленники ни в коей мере не могли успешно конкурировать с ними¹⁸. Сильны были и позиции инонациональной буржуазии. «Банки и нарождающиеся промышленные предприятия ведутся греками, армяне делают торговые дела... Теперь турки спохватились и рады бы конкурировать и с османскими христианами, и с европейцами, и с левантинцами, но нет у них для этого ни навыка, ни денег»¹⁹. Пролетариат также был в основном нетурецким по национальности. «Среди рабочих мало турок. В Стамбуле, например, на табачной фабрике... из 2,5 тысяч рабочих только 200 турок»²⁰. Среди интеллигенции также было мало турок. Инженерами, врачами, адвокатами были главным образом греки и армяне, получившие образование на Западе²¹.

Такое развитие производительных сил и социальных отношений в Турции в последней четверти XIX — начале XX в., приведшее к наибольшему росту капиталистических отношений не среди турок, а среди угнетенных национальных меньшинств, неизбежно порождало определенное противоречие, все более усугублявшееся еще и тем, что турецкая национальная буржуазия, хотя и медленно, с большим опозданием, но все же также начала развиваться. Это противоречие, проявлявшееся вначале лишь как экономическое, впоследствии неминуемо должно было вылиться в противоречие политическое, должно было идеологически оформиться в виде буржуазно-националистических течений.

В самом деле, торговлей товарами внутреннего производства, особенно производства турецких предприятий, занимались и турецкие купцы. «В портовых городах большая часть лавок на базарах в руках греков и армян, реже евреев... Но чем дальше углубляться в Анатолию, тем больше торговцев-турок, главным образом мелких...»²². Масштабы этой торговли были меньше, чем у торговли импортными товарами, тем более, что последняя кредитовалась иностранными фирмами. Торговцы-

¹⁸ И. И. Голобородько, Указ. раб., стр. 212.

¹⁹ А. Тыркова, Старая Турция и младотурки, Пг., 1919, стр. 131, 132.

²⁰ Общая численность пролетариата в Турции накануне первой мировой войны равнялась 50 тысячам человек. См.: А. Д. Новичев, Очерки экономики..., стр. 112.

²¹ А. Тыркова, Указ. раб., стр. 132; А. Д. Новичев, Турция, стр. 114. В этом сказалось очень сильное отставание народного образования в Турции, особенно специального и высшего. Образование мусульманского населения было в руках духовенства. Специалистов — врачей, инженеров из числа турок и других мусульман — готовили только военные училища, общий уровень подготовки в которых был не выше среднеобразовательных школ. Для получения образования на Западе турок командировалось очень мало, причем это были главным образом офицеры. В 1869 г. был принят закон о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании, создании сети средних школ и открытии университета (он начал работу лишь в 1900 г.). Но этот закон стал положительно влиять на развитие просвещения в Турции только несколько лет спустя. См. А. Д. Новичев, Турция, стр. 132, 133.

²² И. И. Голобородько, Указ. раб., стр. 18, 149.

турки концентрировались во внутренней Анатолии²³. Кроме того, крупные и мелкие помещики-турки, сельские богатеи, эксплуатируя крестьян полуфеодальными методами, постепенно приобщались и к торговле. Они открывали в городах лавки и магазины, стремились умножить свои богатства при помощи и более крупных торговых и финансовых операций²⁴. Иными словами, нарождавшаяся турецкая буржуазия с первых своих шагов натолкнулась на препятствие, не сразу ею осознанное, но вполне ощутимое по конкретным результатам. Непосредственным виновником создавшегося положения турецкая буржуазия считала султана, сделавшего турок бесправными в их собственном доме. Выразителем этого, на первых порах еще смутного, недовольства стала турецкая интеллигенция, по происхождению феодально-бюрократическая, по идеологии — уже буржуазная²⁵. Она же явилась распространительницей первых идей турецкого национализма.

Возникновение турецкого национализма относится к 60-м годам XIX в. — это движение «новых османцев» (ени османлылар), конституционных монархистов, желавших провести ряд буржуазных реформ²⁶. Национализм «новых османцев» был еще очень неопределенен и сводился главным образом к движению за очищение турецкого языка от заимствованной арабской и персидской лексики²⁷. Под влиянием идей «новых османцев» появилась художественная проза, которая в прошлом почти отсутствовала. Развивалась драматургия, отходила от закосневших традиционных форм поэзия. Новая литература часто была проникнута патриотическим содержанием, иногда пропагандировала равенство в буржуазном понимании. Знаменателен был сам факт пропаганды турецкого языка, стремление очистить его от непонятных простому народу заимствованных слов, приблизить к разговорному. До «новых османцев» понятия «турецкий язык», «турок» для представителей османского господствующего класса служили синонимами всего грубого, «мужицкого»; турками в правящих кругах называли «простонародье», турецких «мужиков». С другой стороны, многие руководители «новых османцев» хотели использовать в целях сохранения Османской империи и доктрину панисламизма²⁸.

Пытаясь сочетать идеи панисламизма с еще нечеткими идеями национализма, «новые османцы» проповедовали любовь к «османскому отечеству», выдвинули лозунг создания «османской нации», которая, по их мысли, должна была включить в себя как мусульман, так и христиан империи. Таким образом, их идеология была очень расплывчатой и противоречивой. Но они считали, что именно турки должны сementировать «османскую нацию». Так появилась концепция османизма — своего рода смесь идей нарождавшегося турецкого национализма с панисламизмом.

²³ А. Д. Н о в и ч е в, Очерки экономики..., стр. 122.

²⁴ А. Ф. М и л л е р, Краткая история Турции, М., 1948, стр. 84.

²⁵ А. Ф. М и л л е р, Указ. раб., стр. 84—85.

²⁶ Ю. А. П е т р о с я н, «Новые османцы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.

²⁷ Литературным и официальным письменным языком в Османской империи был так называемый османский язык (османлыджа). Лексика в нем была в основном арабской и персидской, а грамматический строй хотя и был преимущественно турецким, но включал в себя очень много элементов арабской и персидской грамматик. Этот язык был понятен лишь образованной верхушке, широкие слои турецкого народа его не понимали.

²⁸ Панисламизм, отражавший интересы феодально-клерикальной верхушки Османской империи, стал в конце XIX в. государственной идеологией, обосновывавшей сохранение единства империи, поражение правящим классом ее народов. Вместе с тем идеология панисламизма использовалась и как средство для борьбы с засильем европейских капиталистических держав в Османской империи и на всем мусульманском Востоке. Но по мере своего развития панисламизм турецких правящих кругов приобретал все более реакционный и даже агрессивный характер, служа таким внешнеполитическим целям, как объединение всех мусульман мира под властью османского султана-халифа, подавление и даже уничтожение христианских национальных меньшинств.

В 1876 г. «новым османцам» удалось добиться принятия первой турецкой конституции, где наглядно отразились и их идеологические установки по национальному вопросу²⁹. Однако в 1878 г. султан Абдьюльхамид II разогнал парламент, упразднил конституцию и объявил себя неограниченным монархом. К этому времени Османская империя окончательно превратилась в полуколонию иностранного капитала.

Несмотря на то, что национальные и религиозные противоречия, использовавшиеся Абдьюльхамидом и реакцией, мешали объединению всех антифеодальных сил, прогрессивные элементы многих национальностей начали борьбу против тирании Абдьюльхамидов. Результатом этой борьбы явилась младотурецкая революция 1908 г. Эта революция не означала преобразования Турции в буржуазное государство. Младотурки, добившись восстановления конституции, сочли борьбу законченной. Они оказались неспособными разрешить задачи буржуазно-демократической революции, не допустили развертывания аграрной революции и жестоко расправились с начавшимся рабочим движением³⁰. Младотурецкое движение свидетельствовало вместе с тем, что процесс складывания турецкой буржуазной нации вступил в новую фазу. Экономические предпосылки для национальной консолидации турок уже существовали: в Анатолии народилась турецкая торговая буржуазия, укреплялись экономические связи между отдельными районами Анатолии и Восточной Фракии, где большинство населения составляли турки.

Вначале идеологией младотурок в национальном вопросе был османизм. До прихода к власти младотурки обещали другим народам империи признать их право на самостоятельное существование в рамках османского государства. Это было вызвано тем, что империя разваливалась под ударами национально-освободительного движения народов Балкан, армян, арабов и др. Но все эти народы, по мысли младотурок, должны были остаться под эгидой Турции, влиться со временем в «османскую нацию»³¹.

После прихода младотурок к власти их идеология османизма быстро превратилась по сути в неприкрытый турецкий национал-шовинизм, непримиримый к другим народам империи, особенно христианским. Это объяснялось тем, что приход к власти младотурок вскрыл глубокие противоречия между турецкой и инонациональной буржуазией. Буржуазия национальных меньшинств повела борьбу за административную децентрализацию, имея в виду добиться в дальнейшем полного отделения от империи. Это встретило решительное сопротивление турецкой буржуазии. К тому же в самом младотурецком движении после революции произошли перемены — в нем все больше сдерживали верх «правые» группировки.

Теперь лидеры младотурок заявили, что отныне в империи нет отдельных национальностей — «все равны и все османцы» — и повели кампанию по «османизации» всего населения, т. е. стали осуществлять исламизацию и туркизацию инонациональных групп³².

²⁹ Так, статья 8 — «Все подданные империи называются османцами без различия вероисповеданий» — отражала принцип османизма, ст. 11 — «Ислам есть государственная религия» — проводила в жизнь идеи исламизма, а статьи 18 — «Допущение к общественным должностям обусловлено знанием турецкого языка, который является официальным языком государства», 57 — «Прения в парламенте происходят на турецком языке» и 68 — «Не могут быть избраны депутатами... лица, не знающие турецкого языка, ...лица, претендующие на принадлежность к чужой национальности» — говорили о турецком национализме «новых османцев». См.: А. Убичичини, П. де Куртейль, Указ. раб., стр. 216—217.

³⁰ А. Ф. Миллер, Буржуазная революция 1908 г. в Турции, «Советское востоковедение», 1955, № 6.

³¹ E. Sarolvo, Ziva Gökalp. Istanbul, 1943, стр. 68.

³² В резолюции пленума ЦК партии младотурок (1911 г.) говорилось: «Империя должна стать мусульманской. Надо отказать инородческим элементам в праве иметь

Кризис османистской идеологии, не имевшей под собой реальной почвы, наступил скоро. Завершающий удар по ней нанесли триполитанская и балканские войны и восстания арабов. В этих условиях младотурки берут на вооружение идеологию пантюркизма, которая внутри империи была направлена на поглощение национальных меньшинств, а во внешней политике служила средством для присоединения земель, населенных тюркскими народами, к Турции.

Пантюркистская идеология развивалась на базе молодого турецкого национализма, получившего вначале название «тюркчюлюк» — термин, имевший двойной смысл. В нем были скрыты два совершенно разных понятия: туркизм (турецкий национализм) и тюркизм (пантюркизм), ибо тюрк по-турецки значит и турак, и тюрк. За этим двойным значением терминологии скрывалось двойственное содержание зародившегося национализма. Турецкая буржуазия, как и всякая буржуазия угнетенной нации (а Турция к тому времени уже превратилась в полуколонию империалистических держав), с одной стороны, была носителем исторического прогресса — боролась против феодализма, засилья иностранного капитала, своего неправомерного положения, культурной отсталости страны, стремилась убрать преграды с пути капиталистического развития Турции, а с другой — она не только несла своему народу капиталистическую эксплуатацию и стремилась к обогащению за счет турецких трудящихся масс, но ей были присущи и стремление к угнетению других народов, к экспансии, к захвату чужих территорий³³. Эти стремления маскировались шовинистической идеологией. В конкретных исторических условиях того времени турецкий национализм (тюркчюлюк) имел у младотурок двойственный характер, а в последний период их политической деятельности окончательно выродился в пантюркизм³⁴.

Пантюркизм младотурок тесно переплетался с панисламизмом. Во-первых, в пантюркистской пропаганде они использовали в своих целях и религиозные чувства тюрков-мусульман, а во-вторых, подобно тому, как это делали османские султаны, пытались опереться на панисламизм в борьбе против национального движения арабов и курдов за независимость. Таким образом, национализм младотурок все еще не был свободен от религиозных наслоений, что говорило о его незрелости, отражавшей объективные условия, — еще неполное завершение консолидации турак в нацию.

Вместе с тем национальное самосознание турак становилось все более четким, особенно в среде турецкой интеллигенции. А. Тыркова записала очень характерное, с этой точки зрения, высказывание одного видного турецкого писателя в 1911 г.: «Турок забыл свое происхождение. Спросите его, кто он? Он скажет, что он мусульманин. От него все отняли, даже язык. Вместо здорового, простого турецкого языка ему дают чужой, непонятный, испещренный персидскими и арабскими словами»³⁵. Интересна и ее характеристика турецких прогрессивных интеллигентов: «Старая религиозность мусульманства отпала от них, а на место ее нарождается доведенная до религиозности любовь к родине»³⁶. Росту национального самосознания турак способствовало также то, что после младотурецкой революции получило некоторое развитие

свои особые национальные организации. Распространение турецкого языка есть превосходное средство для установления господства мусульман и для ассимиляции иноязычных элементов». См.: «L'Asie Française», 1917, № 171, стр. 174.

³³ Э. Ю. Гасанова, К истории журнала «Тюрк Юрду», «Изв. АН АзербСССР», серия обществ. наук, 1959, № 6, стр. 133; ее же, Прогрессивные мотивы в журнале «Тюрк Юрду», там же, 1961, № 3, стр. 149.

³⁴ N. Bekkes, The development of secularism in Turkey, Montreal, 1964, p. 364.

³⁵ А. Тыркова, Указ. раб., стр. 175.

³⁶ Там же, стр. 157.

просвещение: число начальных школ увеличилось с 28 615 в начале XX в. до 36 230 в 1910 г., расширилось и среднее образование, были организованы первые женские средние школы, открылся ряд новых факультетов в Стамбульском университете³⁷. Появились первые учебники на турецком языке. Многие писатели все больше приближали язык своих произведений к народному турецкому языку. В 1914 г. в Стамбуле открылся турецкий театр. В литературе все больше места занимали патриотические темы, хотя некоторые произведения отражали и пантюркистские идеи.

Существенные изменения в экономику Турции внесла первая мировая война. Хотя турецкое сельское хозяйство в целом в годы войны пришло в упадок (главным образом за счет деградации бедняцких и середняцких хозяйств), деревенские богачи наживали огромные прибыли, поставляя продукты армии и занимаясь спекуляцией. Приобретенный капитал они вкладывали в торговлю и даже промышленность³⁸. Турецкая торговая буржуазия, помещики и кулаки усилились и в связи с вывозом продуктов сельского хозяйства в Германию и Австрию, на стороне которых воевала Османская империя. Этот экспорт, являвшийся в сущности беспощадным выкачиванием турецкого сырья, оказался выгодным для турецкой торговой буржуазии, получившей впервые доступ к внешним рынкам. Компрадорская же (как правило, нетурецкая по национальности) буржуазия, связанная с внешней торговлей стран Антанты, сильно ослабла из-за полного прекращения торговых связей с этими странами. Эту буржуазию ослабляла и националистическая политика младотурок, проводивших в отношении инациональной буржуазии дискриминационные экономические мероприятия (повышенные налоги, реквизиции и т. п.)³⁹, не говоря уже о прямых репрессиях против армян.

Большие перемены произошли и в промышленности. Ее отрасли, связанные с экспортом и импортом (и контролируемые инациональной буржуазией), резко сократили производство. А промышленность, обслуживавшая нужды армии и внутреннего потребления, получившая рынок, свободный от конкуренции иностранных товаров в связи с почти полным прекращением импорта и поощряемая протекционистской политикой младотурок, получила определенное развитие. Стали создаваться мелкие предприятия по снабжению армии сукном, одеждой, обувью, а также работавшие на внутренний рынок. По условиям военного времени они возникали не в портовых городах, а в глубинных районах Анатолии, а там как раз преобладало турецкое население и уже существовала, хотя еще и слабая, турецкая буржуазия. Оккупация войсками противника окраинных районов империи, падение роли портов в экономике содействовали тому, что экономические связи развились в основном в Анатолии, где окончательно сложился единый внутренний рынок⁴⁰.

Имелись все условия для завершения консолидации турецкой буржуазной нации. Политические результаты этого процесса не замедлили сказаться. Правда, они проявились во всей силе лишь после окончания войны, во время иностранной интервенции, когда турецкая буржуазия, охраняя свой, хотя бы и незначительный по размерам капитал, выступила против империалистических захватчиков под лозунгом национально-освободительного движения турецкого народа⁴¹.

³⁷ А. Д. Новичев, Турция, стр. 134.

³⁸ А. Д. Новичев, Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935, стр. 32.

³⁹ Там же, стр. 68.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, стр. 160—162.

После Октябрьской революции в России, вызвавшей подъем антиимпериалистической борьбы в колониальных и зависимых странах, турецкий народ также поднялся на борьбу. Основной силой этой борьбы стало крестьянство. Еще во время мировой войны сотни тысяч турецких солдат, не желая сражаться за чуждые им цели германских империалистов и пантюркистских экспансионистов, вернулись с оружием в свои деревни и создали в Анатолии многочисленные партизанские отряды. В 1918—1919 гг. эти отряды первыми начали вооруженную борьбу с оккупантами⁴². Рабочий класс Турции был слишком малочислен и политически слаб, чтобы стать гегемоном национально-освободительного движения, и его возглавила анатолийская буржуазия, выступившая как выразительница общенациональных турецких интересов. Проводником идей турецкой национальной буржуазии стали интеллигентские (преимущественно военно-интеллигентские) круги, видевшие в вооруженной борьбе против интервентов и султана единственное средство спасения родины⁴³.

При поддержке Советской России турецкое национально-освободительное движение победило. В ходе его в Турции произошла буржуазная революция, так называемая кемалистская (по имени ее вождя Кемаля Ататюрка). В 1920—1930 гг. были проведены буржуазные реформы. Был ликвидирован султанат и халифат и Турция объявлена республикой. Церковь была отделена от государства, а школа от церкви. Были введены новые гражданский и уголовный кодексы по европейским образцам, начисто лишенные связи с мусульманским правом. Было запрещено многоженство, ношение чадры; турецкая письменность переведилась на латинский алфавит, вводились европейская одежда, григорианский календарь, днем отдыха вместо пятницы (священного дня мусульман) объявлялось воскресенье и т. д. «Османский» язык был окончательно заменен турецким, который стал официальным, государственным, а постепенно и литературным. Кемалисты упорно боролись за очищение его от арабской и персидской лексики, однако это в целом прогрессивное движение подчас выливалось в непримиримый пуризм, когда некоторые даже прочно вошедшие в обиход заимствования заменялись искусственно созданными словами.

Кемалисты освободили национализм младотурок от пантюркистских и панисламистских наслоений, они даже заменили термин «тюркчюлюк», значивший и туркизм (т. е. турецкий национализм), и тюркизм (т. е. пантюркизм) термином «миллиетчилик» (впоследствии «улусчулук»), что значит «национализм». Миллиетчилик был провозглашен одним из лозунгов Народно-республиканской партии, созданной Кемалем Ататюрком, и понимался как борьба за независимость турецкой нации⁴⁴.

После кемалистской революции признанным названием турецкого народа стал этноним «турки» вместо прежних названий «мусульмане», «османцы». Одно время даже вместо этнонима «турок» (по-турецки «тюрк») хотели ввести название «анатолиец» («анадоллу»), чтобы окончательно устранить путаницу между этнонимами «турок» и «тюрк», существующую в турецком языке⁴⁵.

Такая четкость националистических воззрений кемалистов была идеологическим отражением объективных процессов, в частности того, что турецкая буржуазная нация окончательно сложилась. Временем завершения консолидации турок в буржуазную нацию можно считать период

⁴² А. Ф. Миллер, Краткая история..., стр. 172.

⁴³ Там же, стр. 173.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Д. Е. Еремеев, Кемализм и пантюркизм, «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 58—70; Э. Ю. Гасанова, Идеология буржуазного национализма в Турции, Баку, 1966.

⁴⁵ F. Tachau, The search for national identity among the Turks, «Welt des Islams», 1963, vol. 8, № 3, p. 168.

национально-освободительной борьбы турецкого народа и кемалистской революции (1918—1923 гг.). Эта революция оформила и в государственном отношении закончившийся процесс национальной консолидации — создала турецкое национальное государство, Турецкую республику.

Образование турецкого национального государства способствовало распространению идей национального самосознания среди всех слоев турецкого народа, а принцип «национальности», сознание принадлежности к турецкой нации окончательно пришли на смену принципам исламизма и османизма, идее преданности султану-халифу.

SUMMARY

The formation of the Turkish nation in the second half of the XIX century and the first two decades of the XX century is reviewed and the distinguishing features of this process are examined. The involved ethnic history of the Turks in the preceding period included the forming of the Turkish nationality out of two sharply differing components; Turkic nomad migrants to Asia Minor and the indigenous population Turkicized by these nomads — Greeks, Armenians, Laz, Kurds, etc.; the substitution of religious for ethnic self-consciousness; the enslavement of the Turks by Western powers. This history was still further complicated by the lag in social-economic development of the Turkish people in comparison with other ethnic communities of Asia Minor (Greeks, Armenians, and others). Capitalism first arose not among the Turks but among the national minorities of the Ottoman Empire. Because of this the level of ethnic development of the Turks also lagged behind the other peoples of Turkey. Owing to this the national consolidation of the Turks and the rise of their national consciousness was retarded. During the First World War a common market grew into being in Anatolia. Turkish trade bourgeoisie became stronger, there arose a Turkish industrial bourgeoisie. This was conducive to the national consolidation of the Turks. The Turkish nation finally took shape in the course of the movement for national liberation and the Kemalist revolution (1918—1923).
